

4

Но удивительное дело: именно те люди, которые в наше время более всех других говорят, что заботятся об улучшении человеческой жизни, и считаются руководителями общественного мнения, утверждают, что этого-то и не нужно делать и что для улучшения положения людей существуют другие, более действительные средства. Люди эти утверждают, что улучшение жизни человеческой происходит не вследствие внутренних усилий отдельных людей сознания, уяснения и исповедания истины, а вследствие постепенного изменения общих внешних условий жизни, и что потому силы каждого отдельного человека должны быть направлены не на сознание и уяснение себе и исповедание истины, а на постепенное изменение в полезном для человечества направлении общих внешних условий жизни, всякое же исповедание отдельным человеком истины, несогласной с существующим порядком, не только не полезно, но вредно, потому что вызывает со стороны власти стеснения, мешающие этим отдельным людям продолжать их полезную для служения обществу деятельность. По учению этому все изменения в жизни человеческой происходят по тем же законам, по которым они происходят и в жизни животных.

Так что по учению этому все основатели религий, как Моисей и пророки, Конфуций, Лао-дзи, Будда, Христос и другие проповедовали свои учения, а последователи их принимали их не потому, что они любили истину, уясняли ее себе и исповедовали, а потому, что политические, социальные и, главное, экономические условия тех народов, среди которых появились и распространялись эти учения, были благоприятны для проявления и распространения их.

И потому главная деятельность человека, желающего служить обществу и улучшить положение человечества, должна по этому учению быть направлена не на уяснение истины и исповедание ее, а на улучшение внешних политических, социальных и, главное, экономических условий. Изменение же этих политических, социальных и экономических условий совершается посредством отчасти служения правительству и внесения в него либеральных и прогрессивных начал, отчасти содействием развитию промышленности и распространению социалистических идей и, главное, распространением научного образования.

По этому учению важно не то, чтобы исповедовать в жизни ту истину, которая открылась тебе, и вследствие этого неизбежно быть вынужденным осуществлять ее в жизни или по крайней мере не совершать поступков, противных исповедуемой истине: не служить правительству и не усиливать его власть, если считаешь власть эту вредною, не пользоваться капиталистическим строем, если считаешь этот строй неправильным, не высказывать уважения разным обрядам, если считаешь их вредным суеверием, не участвовать в судах, если считаешь их устройство ложным, не служить солдатом, не присягать, вообще не лгать, не подличать, а важно то, чтобы, не изменяя существующих

форм жизни и, противно своим убеждениям, подчиняясь им, вносить либерализм в существующие учреждения: содействовать промышленности, пропаганде социализма и успехам того, что называется науками, и распространению образования. По этой теории можно, оставаясь землевладельцем, купцом, фабрикантом, судьей, чиновником, получающим жалование от правительства, солдатом, офицером, быть при этом не только гуманным человеком, но даже социалистом и революционером.

Лицемерие, имевшее прежде одну религиозную основу в учении о падении рода человеческого, об искуплении и о церкви, в этом учении получило в наше время новую научную основу и вследствие этого захватило в свои сети всех тех людей, которые уже не могут по степени своего развития опираться на лицемерие религиозное. Так что если прежде только человек, исповедующий церковное религиозное учение, мог, признавая себя при этом чистым от всякого греха, участвовать во всех преступлениях, совершаемых государством, и пользоваться ими, если он только при этом исполнял внешние требования своего исповедания, то теперь и все люди, не верящие в церковное христианство, имеют такую же твердую светскую научную основу для признания себя чистыми и даже высоконравственными людьми, несмотря на свое участие в государственных злодеяниях и пользование ими.

Живет не в одной России, но где бы то ни было - во Франции, Англии, Германии, Америке - богатый землевладелец и за право, предоставляемое им людям, живущим на его земле, кормиться с нее, сдирает с этих большею частью голодных людей все, что только он может содрать с них. Право собственности на землю этого человека основывается на том, что при каждой попытке угнетенных людей без его согласия воспользоваться землями, которые он считает своими, приходят войска и подвергают людей, захватывающих эти земли, истязаниям и убийствам. Казалось бы, очевидно, что человек, живущий так, есть злое и эгоистическое существо и никак не может считать себя христианином или либеральным человеком. Казалось бы очевидным, что первое, что должен сделать такой человек, если он хочет хоть сколько-нибудь приблизиться к христианству или либерализму, состоит в том, чтобы перестать грабить и губить людей посредством поддерживаемого правительством убийствами и истязаниями его права на землю. Но так бы это было, если бы не было метафизики лицемерия, которая говорит, что с религиозной точки зрения владение или невладение землей - безразлично для спасения, а с научной точки зрения - то, что отказ от владения землей был бы бесполезным личным усилием и что содействие благу людей совершается не этим путем, а постепенным изменением внешних форм. И вот этот человек, нисколько не смущаясь и не сомневаясь в том, что ему поверят, устроив земледельческую выставку, общество трезвости или разослав через жену и детей фуфайки и бульон трем старухам, смело в семье, в гостиных, в комитетах, печати проповедует евангельскую или гуманную любовь к ближнему вообще и в особенности к тому рабочему земледельческому народу, который он, не переставая, мучит и угнетает. И люди, находящиеся в том же положении, как и он, верят ему, восхваляют его и с ним вместе с важностью обсуждают вопросы о том, какими бы еще мерами улучшить положение того рабочего народа, на ограблении которого основана их жизнь, придумывая для этого всевозможные средства, но только не то одно, без которого невозможно никакое улучшение положения народа, и именно то, чтобы перестать отнимать у этого народа необходимую ему для пропитания землю.

Поразительнейшим примером такого лицемерия были заботы русских землевладельцев во время последнего года о борьбе с голодом, который они-то и произвели и которым они тут же пользовались, продавая не только хлеб по самой высокой цене, но картофельную ботву по 5 рублей за десятину на топливо мерзнувшим крестьянам.

Или живет купец, вся торговля которого, как и всякая торговля, основана на ряде мошенничеств, посредством которых, пользуясь невежеством и нуждой людей, у них покупаются предметы ниже их стоимости и, пользуясь невежеством же, нуждой и соблазном, продаются назад выше стоимости. Казалось бы, очевидно, что человек, вся деятельность которого основана на том, что на его же языке называется мошенничеством, если только эти же дела совершаются при других условиях, должен бы стыдиться своего положения и никак уже не может, продолжая быть купцом, выставлать себя христианином или либеральным человеком. Но метафизика лицемерия говорит ему, что он может слыть добродетельным человеком, продолжая свою вредную деятельность: религиозному человеку нужно только верить, а либеральному нужно только содействовать изменению внешних условий - прогрессу промышленности. И вот этот купец (который часто кроме того совершает еще и ряд прямых мошенничеств, продавая дурное за хорошее, обвешивает, обмеривает или торгует исключительно губящими жизнь народа предметами, как вино, опиум) смело считает себя и считается другими, если только он прямо не обманывает в делах своих сотоварищей по обману, т. е. свою братью - купцов, то считается образцом честности и добросовестности. Если же он истратит 0,001 из украденных им денег на какое-нибудь общественное учреждение: больницу, музей, учебное заведение, то его считают еще и благотворителем того народа, на обмане и развращении которого основано всё его благосостояние; если же он пожертвовал часть украденных денег на церковь и бедных, - то и примерным христианином.

Или живет фабрикант, доход которого весь составляется из платы, отнятой у рабочих, и вся деятельность которого основана на принудительном, неестественном труде, губящем целые поколения людей; казалось бы, очевидно, что прежде всего, если человек этот исповедует какие-нибудь христианские или либеральные принципы, ему нужно перестать губить для своих барышей человеческие жизни. Но по существующей теории он содействует промышленности, и ему не нужно, даже было бы вредно для людей и общества, прекращать свою деятельность. И вот человек этот, жестокий, рабовладелец тысяч людей, устроив для искалеченных на его работе людей домики с двухаршинными садиками, и кассу, и богадельню, больницу, вполне уверен, что он этим с излишком заплатил за все те погубленные и губимые им физически и духовно человеческие жизни, спокойно, гордясь ею, продолжает свою деятельность.

Или живет правитель или какой бы то ни было гражданский, духовный, военный слуга государства, служащий для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие или властолюбие или, что чаще всего бывает, для того только, чтобы получить собираемое с изнуренного, измученного работой народа жалованье (подати, от кого бы ни шли, всегда идут с труда, т. е. с рабочего народа), и если он, что очень редко бывает, еще прямо не крадет государственные деньги непривычным способом, то считает себя и считается другими, подобными ему, полезнейшим и добродетельнейшим членом общества.

Живет какой-нибудь судья, прокурор, правитель и знает, что по его приговору или решению сидят сейчас сотни, тысячи оторванных от семей несчастных в одиночных тюрьмах, на каторгах, сходя с ума и убивая себя стеклом, голодом, знает, что у этих тысяч людей есть еще тысячи матерей, жен, детей, страдающих разлукой, лишенных свиданья, опозоренных, тщетно вымаливающих прощенья или хоть облегченья судьбы отцов, сыновей, мужей, братьев, и судья и правитель этот так загрузел в своем лицемерии, что он сам и ему подобные и их жены и домочадцы вполне уверены, что он при этом может быть очень добрый и чувствительный человек. По метафизике лицемерия выходит, что он делает полезное общественное дело. И человек этот, погубив сотни, тысячи людей, проклинаящих его и отчаивающихся благодаря его деятельности в вере в добро и бога, с сияющей, благодушной улыбкой на гладком лице идет к обедне, слушает Евангелие, произносит либеральные речи, ласкает своих детей, проповедует им нравственность и умиляется перед воображаемыми страданиями.

Живут все эти люди и те, которые кормятся около них, их жены, учителя, дети, повара, актеры, жокеи и т. п., живут той кровью, которая тем или другим способом, теми или другими пиявками высасывается из рабочего народа, живут так, поглощая каждый ежедневно для своих удовольствий сотни и тысячи рабочих дней замученных рабочих, принужденных к работе угрозами убийств, видят лишения и страдания этих рабочих, их детей, стариков, жен, больных, знают про те казни, которым подвергаются нарушители этого установленного грабежа, и не только не уменьшают свою роскошь, не скрывают ее, но нагло выставляют перед этими угнетенными, большею частью ненавидящими их рабочими, как бы нарочно дразня их, свои парки, дворцы, театры, охоты, скачки и вместе с тем, не переставая, уверяют себя и друг друга, что они все очень озабочены благом того народа, который они, не переставая, топчут ногами, и по воскресеньям в богатых одеждах, на богатых экипажах едут в нарочно для издевательства над христианством устроенные дома и там слушают, как нарочно для этой лжи обученные люди на все лады, в ризах и без риз, в белых галстуках, проповедуют друг другу любовь к людям, которую они все отрицают всю свою жизнь. И, делая всё это, люди эти так входят в свою роль, что серьезно верят, что они действительно то самое, чем притворяются.

Всеобщее лицемерие, вошедшее в плоть и кровь всех сословий нашего времени, дошло до таких пределов, что ничто уже в этом роде никого уже не возмущает. Недаром гипокритство значит актерство, и притворяться - играть роль можно всякую. Такие явления, как то, что наместники Христа благословляют в порядке стоящих убийц, держащих заряженное на своих братьев ружье, на молитву; что священники, пастыри всяких христианских исповеданий всегда так же неизбежно, как и палачи, участвуют в казнях, своим присутствием признавая убийство совместимым с христианством (на опыте в Америке во время убийства электричеством присутствовал пастор), - все такие явления никого уже не удивляют.

Недавно была международная тюремная выставка в Петербурге, где выставляли орудия истязаний: кандалы, модели одиночных заключений, т. е. орудия пытки худшие, чем кнуты и розги, и чувствительные господа и дамы ходили осматривать это и веселились этим.

Никого не удивляет и то, как либеральная наука доказывает, рядом с признанием равенства, братства, свободы людей, необходимость войска, казней, таможен, цензуры, регламентации проституции, изгнания дешевых работников, запрещений эмиграции, необходимости и справедливости колонизации, основанной на отравлении, ограблении и уничтожении целых пород людей, называемых дикими, и т. п.

Говорят о том, что будет тогда, когда все люди будут исповедовать то, что называется христианством (т. е. различные враждебные между собой исповедания), когда все будут сыты и одеты, будут все соединены друг с другом с одного конца света до другого телеграфами, телефонами, будут сообщаться воздушными шарами, когда все рабочие проникнутся социальными учениями и когда рабочие союзы соберут столько-то миллионов членов и рублей и все люди будут образованы, все будут читать газеты, знать все науки.

Но что же может произойти полезного и доброго от всех этих усовершенствований, если при этом люди не будут говорить и делать то, что они считают правдой?

Ведь бедствия людей происходят от разъединения. Разъединение же происходит оттого, что люди следуют не истине, которая одна, а лжам, которых много. Единственное средство соединения людей воедино есть соединение в истине. И потому, чем искреннее люди стремятся к истине, тем ближе они к этому соединению.

Но как же могут люди соединиться в истине или хотя бы приблизиться к ней, если они не только не высказывают ту истину, которую знают, но считают, что этого не нужно делать, и притворяются, что считают истиной то, что не считают истиной.

И потому никакое улучшение положения людей невозможно до тех пор, пока люди будут притворяться, т. е. сами от себя скрывать истину, до тех пор, пока не признают того, что единение их, а потому и благо их возможно только в истине, и потому не будут ставить выше всего другого признание и исповедание истины, той истины, которая открылась им.

Пусть совершатся все те внешние усовершенствования, о которых могут только мечтать религиозные и научные люди; пусть все люди примут христианство и пусть совершатся все те улучшения, которых желают разные Беллами и Рише со всевозможными добавлениями и исправлениями, но пусть при этом останется то лицемерие, которое есть теперь; пусть люди не исповедуют ту истину, которую они знают, а продолжают притворяться, что верят в то, во что не верят, и уважают то, чего не уважают, и положение людей не только останется то же, но будет становиться всё хуже и хуже. Чем будут сытее люди, чем больше будет телеграфов, телефонов, книг, газет, журналов, тем будет только больше средств распространения несогласных между собой лжей и лицемерия и тем больше будут разъединены и потому бедственны люди, как это и есть теперь.

Пусть совершатся все эти внешние изменения, и положение человечества не улучшится. Но пусть только каждый человек сейчас же в своей жизни по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя по крайней мере пусть не защищает ту неправду, которую он делает, выдавая ее за правду, и тотчас же в нынешнем 93-м году совершились бы такие перемены к освобождению людей и установлению правды на земле, о которых мы

не смеем мечтать и через столетия.

Недаром единственная не кроткая, а обличительная и жестокая речь Христа была обращена к лицемерам и против лицемерия. Развращает, озлобляет, озверяет и потому разъединяет людей не воровство, не грабеж, не убийство, не блуд, не подлоги, а ложь, та особенная ложь лицемерия, которая уничтожает в сознании людей различие между добром и злом, лишает их этим возможности избегать зла и искать добра, лишает их того, что составляет сущность истинной человеческой жизни, и потому стоит на пути всякого совершенствования людей.

Люди, не знающие истины и делающие зло, возбуждая в других сострадание к своим жертвам и отвращение к своим поступкам, делают зло только тем, над кем они совершают его, но люди, знающие истину и делающие зло, прикрытое лицемерием, делают зло и себе и тем, над кем его совершают, и еще тысячам и тысячам других людей, соблазняемых той ложью, которою они стараются прикрыть совершаемое ими зло.

Воры, грабители, убийцы, обманщики, совершающие дела, признаваемые злом ими самими и всеми людьми, служат примером того, чего не нужно делать, и отвращают людей от зла. Люди же, делающие те же дела воровства, грабежа, истязаний, убийств, прикрываясь религиозными и научными либеральными оправданиями, как это делают все землевладельцы, купцы, фабриканты и всякие слуги правительства нашего времени, призывают других к подражанию своим поступкам и делают зло не только тем, которые страдают от него, но тысячам и миллионам людей, которых они развращают, уничтожая для этих людей различие между добром и злом.

Одно состояние, нажитое торговлей предметами, необходимыми для народа или развращающими народ, или биржевыми операциями, или приобретением дешевых земель, которые потом дорожают от нужды народной, или устройством заводов, губящих здоровье и жизни людей, или посредством гражданской или военной службы государству, или какими-либо делами, потворствующими соблазнам людей, - состояние, приобретаемое такими делами не только с разрешения, но с одобрения руководителей общества, скрашенное при этом показною благотворительностью, без сравнения более развращает людей, чем миллионы краж, мошенничеств, грабежей, совершенных вне признанных законом форм и подвергающихся уголовному преследованию.

Одна казнь, совершенная не находящимися под действием страсти, достаточными, образованными людьми, с одобрения и с участием христианских пастырей, выставленная как нечто необходимое и даже справедливое, развращает и озверяет людей больше, чем сотни и тысячи убийств, совершенных людьми рабочими, необразованными, да еще в увлечениях страсти. Казнь такая, какую предлагал устроить Жуковский, такая, при которой люди испытывали бы даже, как предлагал Жуковский, религиозное умиление, была бы самым развращающим действием, которое только можно себе представить. (См. VI том полн. собр. соч. Жуковского.)

Всякая, самая короткая война с сопровождающими обыкновенно войну тратами, истреблениями посевов, воровствами, допускаемым развратом, грабежами, убийствами, с

придумываемыми оправданиями необходимости и справедливости ее, с возвеличением и восхвалением военных подвигов, любви к знамени, к отечеству и с притворством забот о раненых и т. п. - развращает в один год людей больше, чем миллионы грабежей, поджогов, убийств, совершаемых в продолжение сотни лет одиночными людьми под влиянием страстей.

Одна, степенно ведомая в пределах приличия роскошная жизнь благопристойной, так называемой добродетельной семьи, проедающей, однако, на себя столько рабочих дней, сколько достало бы на прокормление тысяч людей, в нищете живущих рядом с этой семьей, - более развращает людей, чем тысячи неистовых оргий грубых купцов, офицеров, рабочих, предающихся пьянству и разврату, разбивающих для потехи зеркала, посуду и т. п.

Одна торжественная процессия, молебствие или проповедь с амвона или кафедры лжи, в которую не верят проповедующие, производит без сравнения более зла, чем тысячи подлогов и фальсификаций пищи и т. п.

Говорят о лицемерии фарисеев. Но лицемерие людей нашего времени далеко превосходит невинное сравнительно лицемерие фарисеев. У тех был хоть внешний религиозный закон, из-за исполнения которого они могли не видеть своих обязанностей по отношению своих близких, да и обязанности-то эти были тогда еще неясно указаны; в наше же время, во-первых, нет такого религиозного закона, который освобождал бы людей от их обязанностей к близким, всем без различия (я не считаю тех грубых и глупых людей, которые думают еще и теперь, что таинства или разрешение папы могут разрешать их грехи); напротив, тот евангельский закон, который в том или другом виде мы все исповедуем, прямо указывает на эти обязанности, и кроме того эти самые обязанности, которые тогда в туманных выражениях были высказаны только некоторыми пророками, теперь уже так ясно высказаны, что стали такими трюизмами, что их повторяют гимназисты и фельетонисты. И потому людям нашего времени, казалось бы, уж никак нельзя притворяться, что они не знают этих своих обязанностей.

Люди нашего времени, пользующиеся держащимся насилием порядком вещей и вместе с тем уверяющие, что они очень любят своих ближних и совсем не замечают того, что они всей своей жизнью делают зло этим ближним, подобны человеку, непрестанно грабившему людей, который бы, будучи, наконец, захвачен с поднятым ножом над отчаянным криком зовущей себе на помощь жертвой, уверял бы, что он не знал, что то, что он делал, было неприятно тому, кого он грабил и собирался резать. Ведь как нельзя этому грабителю и убийце отрицать того, что у всех на виду, так точно нельзя, казалось бы, теперь уже и людям нашего времени, живущим на счет страданий угнетенных людей, уверять себя и других, что они желают добра тем людям, которых они, не переставая, грабят, и что они не знали того, каким образом приобретается ими то, чем они пользуются.

Нельзя уж нам уверять, что мы не знали про те 100 тысяч человек в одной России, которые сидят всегда по тюрьмам и каторгам для обеспечения нашей собственности и спокойствия, и что мы не знаем про те суды, в которых мы сами участвуем и которые по нашим прошениям приговаривают покушающихся на нашу собственность и безопасность людей к тюрьмам, ссылкам и каторгам, в которых люди, нисколько не худшие, чем те, которые их

судят, гибнут и развращаются; что мы не знали того, что всё, что мы имеем, мы имеем только потому, что это добывается и ограждается для нас убийством и истязаниями. Нельзя нам притворяться, что мы не видим того городского, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас в то время, как мы едим вкусный обед или смотрим новую пьесу, и про тех солдат, которые сейчас же выедут с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность.

Ведь мы знаем, что если мы доедим свой обед, и досмотрим новую пьесу, и довеселимся на бале, на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле в револьвере городского и в ружье солдата, которая пробьет голодное брюхо того обделенного, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же нарушит их, как только уйдет городской с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову.

И потому как человеку, пойманному среди бела дня в грабеже, никак нельзя уверять всех, что он замахнулся на грабимого им человека не затем, чтобы отнять у него его кошелек, и не угрожал зарезать его, так и нам, казалось бы, нельзя уже уверять себя и других, что солдаты и городские с револьверами находятся около нас совсем не для того, чтобы оберегать нас, а для защиты от внешних врагов, для порядка, для украшения, развлечения и парадов, и что мы и не знали того, что люди не любят умирать от голода, не имея права вырабатывать себе пропитание из земли, на которой они живут, не любят работать под землей, в воде, в пекле, по 10-14 часов в сутки и по ночам на разных фабриках и заводах для изготовления предметов наших удовольствий. Казалось бы, невозможно отрицать того, что так очевидно. А между тем это-то самое и делается.

И хотя и есть среди богатых живые люди, каких я, к счастью, встречаю всё чаще и чаще, особенно из молодых и женщин, которые при напоминании о том, как и чем покупаются их удовольствия, не стараясь скрыть истину, схватываются за голову и говорят: "Ах, не говорите об этом. Ведь если так, то жить нельзя"; хотя и есть такие искренние люди, которые, хотя и не могут избавиться от него, видят свой грех, огромное большинство людей нашего времени так вошло в свою роль лицемерия, что уж смело отрицает то, что режет глаза всякому зрячему.

"Все это несправедливо, - говорят они: - никто не принуждает народ работать у землевладельцев и на фабриках. Это дело свободного договора. Крупная собственность и капиталы необходимы, потому что организуют работу и дают ее рабочему классу. Работы же на фабриках и заводах совсем не так ужасны, как вы их представляете. И если есть некоторые злоупотребления на фабриках, то правительство и общество принимают меры к тому, чтобы устранить их и сделать труд рабочих еще более легким и даже приятным. Рабочий народ привык к физическим работам и пока ни на что другое не способен. Бедность же народа происходит совсем не от землевладения; не от угнетения капиталистов, а от других причин: она происходит от необразования, грубости, пьянства народа. И мы, правительственные люди, противодействующие этому обеднению мудрым управлением, и мы, капиталисты, противодействующие этому распространением полезных изобретений, мы, духовенство, - религиозным обучением, а мы, либералы, - устройством союзов рабочих, увеличением и распространением образования, этим путем, не изменяя своего положения,

увеличиваем благосостояние народа. Мы не хотим, чтобы все были бедны, как бедные, а хотим, чтобы все были богаты, как богатые. То же, что людей будто бы истязают и убивают для того, чтобы заставить их работать на богатых, есть софизм; войска посылаются против народа только тогда, когда народ, не понимая своей выгоды, бунтует и нарушает спокойствие, нужное для всеобщего блага. Так же необходимо и обуздание злодеев, для которых устроены тюрьмы, виселицы, каторги. Мы сами бы желали упразднить их и работаем в этом направлении".

Лицемерие в наше время, поддерживаемое с двух сторон: quasi-религией и quasi-наукой, дошло до таких размеров, что если бы мы не жили среди него, то нельзя бы было поверить, что люди могут дойти до такой степени самообмана. Люди дошли в наше время до того удивительного положения, что так огрубело сердце их, что они глядят и не видят, слушают и не слышат и не понимают.

Люди уже давно живут жизнью, противной их сознанию. Если бы не было лицемерия, они не могли бы жить этой жизнью. Этот противный их сознанию строй жизни продолжается только потому, что он прикрыт лицемерием.

И чем больше увеличивается расстояние между действительностью и сознанием людей, тем больше растягивается и лицемерие. Но и лицемерию есть пределы. И мне кажется, что мы в наше время дошли до этого предела.

Каждый человек нашего времени с невольно усвоенным им христианским сознанием находится в положении, совершенно подобном положению спящего человека, который видит во сне, что он должен делать то, чего, как он знает это и во сне, он не должен делать. Он знает это в самой глубине своего сознания, и все-таки как-будто не может изменить своего положения, не может остановиться и перестать делать то, чего, он знает, ему не должно делать. И, как это бывает во сне, положение его, становясь всё мучительнее и мучительнее, доходит, наконец, до последней степени напряжения, и тогда он начинает сомневаться в действительности того, что представляется ему, и делает усилие сознания, чтобы разорвать то наваждение, которое сковывает его.

В таком же положении находится средний человек нашего христианского мира. Он чувствует, что всё то, что делается им самим и вокруг него, есть что-то нелепое, безобразное, невозможное и противное его сознанию, чувствует, что положение это становится всё мучительнее и мучительнее и дошло уже до последней степени напряжения.

Не может этого быть: не может быть того, чтобы мы, люди нашего времени, с нашим вошедшим уже в нашу плоть и кровь христианским сознанием достоинства человека, равенства людей, с нашей потребностью мирного общения и единения народов, действительно жили бы так, чтобы всякая наша радость, всякое удобство оплачивалось бы страданиями, жизнями наших братьев и чтобы мы при этом еще всякую минуту были бы на волоске от того, чтобы, как дикие звери, броситься друг на друга, народ на народ, безжалостно истребляя труды и жизни людей только потому, что какой-нибудь заблудший дипломат или правитель скажет или напишет какую-нибудь глупость другому такому же, как он, заблудшему дипломату или правителю.

Не может этого быть. А между тем всякий человек нашего времени видит, что это самое делается и это самое ожидает его. И положение становится всё мучительнее и мучительнее.

И как человек во сне не верит тому, чтобы то, что ему представляется действительностью, было бы точно действительностью, и хочет проснуться к другой, настоящей действительности, так точно и средний человек нашего времени не может в глубине души верить тому, чтобы то ужасное положение, в котором он находится и которое становится всё хуже и хуже, было бы действительностью, и хочет проснуться к настоящей действительности, к действительности уже живущего в нем сознания.

И как стоит человеку во сне только сделать усилие сознания и спросить себя: да не сон ли это? для того, чтобы мгновенно разрушилось казавшееся ему таким безнадежным положение и он проснулся бы к спокойной и радостной действительности, точно так же и современному человеку стоит только сделать усилие сознания, усомниться в действительности того, что ему представляет его собственное и окружающее его лицемерие, и спросить себя: да не обман ли это? чтобы он почувствовал себя тотчас же перешедшим так же, как и проснувшийся человек, из воображаемого и страшного мира в настоящую, спокойную и радостную действительность.

И для этого человеку не нужно делать никаких подвигов и поступков, а нужно сделать только внутреннее усилие сознания.

Версия #1

Зверобой создал 27 марта 2025 16:51:51

Зверобой обновил 27 марта 2025 16:52:44